

Глава 8. Сяоси боится, но его руки сами делают

Хоть голос у него и был тихим, но силы в руках оказалось вовсе не мало. Вэнь Си крепко вцепился в больное место Лю Цзиньхуа, и та тут же завопила:

— Ой! Ай!..

Не переставая стонать, она сыпала проклятиями:

— Ах ты маленький ублюдок!

Вэнь Си ругаться не умел, поэтому лишь робко огрызнулся:

— Тогда ты... старая ублюдочная бабка.

Чэнь Ланьфан наконец опомнилась. Пока Вэнь Си удерживал противницу, она без колебаний отвесила Лю Цзиньхуа ещё две звонкие пощёчины.

Эта старая ведьма посмела при стольких людях очернить честь её фулана! Разве она не заслужила побоев?

Подумав так, Вэнь Си тоже украдкой несколько раз больно царапнул Лю Цзиньхуа.

А главным виновником был Чжао Шоутянь.

Вэнь Си прекрасно понимал, что в открытой схватке ему с тем не справиться. Быстро оглядевшись, он заметил прислонённую к стене метлу. Дрожащими руками схватил её и, подкравшись сзади, несколько раз со всей силы огрел Чжао Шоутяня.

Тот и так был весь в синяках после кулаков Янь Ванчуня. Увидев, что даже такой слабый и беззащитный человек, как Вэнь Си, осмелился напасть исподтишка, он резко обернулся и злобно прорычал:

— Я тебя, дрянь, насмерть забью!

Но Вэнь Си ударил и сразу бросился бежать. Не настолько же он глуп, чтобы стоять и ждать ответного удара.

В этот момент Янь Ванчунь успел схватить Чжао Шоутяня за воротник.

— Я тебя прикончу.

Устрашающий вид Чжао Шоутяня так напугал Вэнь Си, что его сердце заколотилось как бешеное. Улучив момент, когда тот отвлёкся, он обежал вокруг и снова с размаху принялся хлестать его метлой.

Чжао Шоутянь, прикрывая голову руками, заметался по двору.

— Ах ты дрянь! Только подожди...

Вэнь Си тут же оплатил ему той же монетой:

— Это ты бьёшь геров. Значит, дрянь — ты!

Ли Вань и Хэ Цзинь вдвоём прекрасно справлялись с Линь Сюэмэй и без посторонней помощи. Отругав Чжао Шоутяня, Вэнь Си поспешил поддержать Чэнь Ланьфан в драке с Лю Цзиньхуа.

Эта старая карга только и умела, что пользоваться подлыми приёмами, да и была на редкость склочной. Если не помочь свекрови, та наверняка окажется в проигрыше.

Но мужчины семьи Чжао и близко не могли тягаться с мужчинами семьи Янь. Линь Сюэмэй и Лю Цзиньхуа, сражаясь каждая против двоих, тоже не имели ни единого шанса. Со стороны это называлось дракой, но на деле избивали лишь одну сторону — семью Чжао.

Посреди всей этой суматохи кто-то пнул курятник, и тот перевернулся. Перепуганные куры с отчаянным кудактаньем разлетелись по всему двору.

Янь Ванчунь ещё раз пнул валявшегося на земле и стонущего Чжао Шоутяня, а затем молниеносно схватил одну из метавшихся по двору куриц.

Янь Фуцю тоже последовал примеру брата и поймал ещё одну.

Оба брата заявили с самым невозмутимым видом:

— Вы украли наших кроликов и избили нашего члена семьи. Эти две курицы будут вашей компенсацией. И запомните: ещё хоть раз придёте обижать нашу семью — не то что кур, ни одной скотины у вас не останется.

Во дворе у семьи Чжао было всего пять кур. Они и сами хотели зарезать хоть одну, так что позволить унести двух Лю Цзиньхуа никак не могла.

Она заверещала, захлопала в ладоши, запрыгала как одержимая и кинулась вслед за братьями Янь, пытаясь их схватить.

Как бы там ни было, мужчины семьи Янь всё же знали меру куда лучше Чжао Шоутяня. Поднимать руку на пожилую женщину они не могли, поэтому лишь носились по двору, прижимая к себе пойманных кур.

Именно такую неразбериху застал староста деревни Даосян, Чжао Гэннянь.

Громовым голосом он рявкнул:

— Всем немедленно прекратить!

От его окрика весь двор мгновенно замер.

Растрёпанная Лю Цзиньхуа тут же закатила глаза, сообразив, как воспользоваться случаем, и с плачем бросилась к старосте:

— Третий дедушка! Ты должен восстановить справедливость! Семья Янь совсем совесть потеряла! Ни с того ни с сего ворвались к нам домой, избили всю нашу семью, а теперь ещё и кур наших хотят унести. Совсем не уважают тебя как старосту!

Чэнь Ланьфан презрительно сплюнула.

— Ах ты старая воровка! Стоит только языком повернуть и уже чёрное белым стало! Наша семья не ведёт себя так бесстыдно, как некоторые. Не думай, что раз староста приходится вам родственником, то можешь при всех соседях безнаказанно нести всякую чушь.

Лю Цзиньхуа, почувствовав за спиной поддержку, сразу осмелела.

— У тебя тоже всего лишь рот да язык — говоришь что хочешь. Кто знает, может, ваш фулан сам где-нибудь лицо расшиб, а теперь решил свалить всё на нас, потому что считает нашу семью лёгкой добычей.

В этот момент из-за спины Чжао Гэнняня неожиданно выбежали Течжу и Таоэр, которые должны были оставаться дома.

— Врёшь! Это он его ударил! Мы сами всё видели!

— Верно! Мы всё видели! Это дядя Чжао Цзиньбао избил человека! И ещё они отняли у Течжу кроликов!

Следом подошли и остальные подростки, игравшие у реки. Все они готовы были подтвердить эти слова.

Лю Цзиньхуа раздражённо замахала на них рукой.

— Кыш отсюда! Что вы, сопляки, понимаете? Ещё слово и я вам рты раздеру!

Чэнь Ланьфан тут же притянула обоих детей к себе, заслоняя их.

— Разве я не просила вас остаться дома и присматривать за третьим дядей? Зачем вы сюда прибежали?

Течжу громко ответил:

— Третий дядя попросил нас прийти!

— Хватит, хватит. Я уже понял, что здесь произошло. Больше никто ничего не говорите.

От поднявшегося со всех сторон гвалта у Чжао Гэнняня уже звенело в ушах, а настроение становилось всё мрачнее.

Чжао Дахэ приходился старосте дальней роднёй и, пользуясь этим, постоянно влипал в неприятности. И каждый раз разгребать последствия приходилось именно ему.

А в этот раз они и вовсе совсем ума лишились — вздумали искать неприятностей у семьи Янь.

Неужели они не знают характер Янь Шичана и его жены? Эти люди никогда не позволят безнаказанно над собой издеваться.

К тому же их младший сын — учёный-сюдай. Голова у него работает в тысячу, нет, в десять тысяч раз лучше, чем у всей семьи Чжао вместе взятой.

Незадолго до этого старший внук Янь Шичана, Течжу, прибежал к нему домой и передал письмо.

В письме подробно объяснялось, из-за чего вспыхнул конфликт между семьями Янь и Чжао. А в конце же было сказано, что Течжу надеется, что староста сумеет рассудить дело честно и беспристрастно.

Когда-то Чжао Гэннянь просил Янь Фэнъяня написать для него парные новогодние надписи,

поэтому сразу узнал его почерк.

Иероглифы были чёткими, красивыми — совсем не такими, какие мог бы вывести безумец. Расспросив Течжу, он узнал, что болезнь Янь Фэнъяня уже почти отступила и скоро тот сможет снова выходить из дома.

Письмо было написано очень вежливо, но между строк читалась лишь одна мысль:

«Моего фулана избили. Я намерен за него вступить. А ты, как староста, сам решай, что делать».

Чжао Гэннянь вовсе не хотел ссориться с семьёй Янь.

Но Чжао Дахэ всё же приходился ему родственником. Если он проявит слишком явную беспристрастность, весь род Чжао потом будет судачить за его спиной и упрекать в неблагодарности.

Поразмыслив, он решил сначала прийти к семье Чжао и уже на месте разобраться по обстоятельствам.

Но по староста дороге встретил Таоэр, внучку Янь Шичана. Крошечная девчушка оказалась на удивление сообразительной: она привела целую компанию ребятишек, игравших у реки, и заявила, что они будут свидетелями в пользу их семьи.

Дети сами до такого бы не додумались. Наверняка это тот учёный Янь решил, что одних слов недостаточно, поэтому специально попросил её найти свидетелей.

Чжао Гэннянь про себя покачал головой.

Есть и свидетели, и доказательства. Теперь семья Чжао уже не сможет обвинить его в том, что он им не помог.

По первоначальному замыслу он собирался заставить Чжао Шоутяня извиниться перед Вэнь Си, а семью Чжао — выплатить немного серебра в качестве компенсации, чтобы мирно замять дело.

Но увиденное во дворе поставило его в тупик... теперь он и сам не знал, как заговорить о возмещении ущерба.

У людей семьи Янь разве что волосы растрепались да одежда запылилась — больше ничего.

А вот у семьи Чжао у каждого лицо было в синяках и ссадинах. Вид у них был такой, будто именно они пострадали больше всех.

Прихрамывая, к нему подошёл Чжао Дахэ и начал жаловаться:

— Дядюшка, только посмотри, что эти бессовестные из семьи Янь с нами сделали! Ты должен добиться для нас справедливости!

Чжао Гэннянь сердито посмотрел на него.

— Всё началось из-за вашего Чжао Шоутяня. Какую ещё справедливость ты хочешь?

Отчитав Чжао Дахэ, он повернулся к Янь Шичану.

— Чжао Шоутянь действительно поступил неправильно. Но и вам не следовало избивать людей до такой степени. Все вы из одной деревни. Если возникли разногласия, их нужно обсуждать, а не устраивать драки.

Дело, которое можно было решить без особых трудностей, теперь превратилось в такую кашу, что он уже и сам не понимал, чью сторону занимать.

Гнев Янь Шичана к этому времени уже почти улёгся.

— Раз уж вы сами пришли, староста, то сегодня я окажу вам уважение и больше не стану продолжать это дело. Пусть на этом всё и закончится.

Слова прозвучали так, будто он оказал старосте огромное одолжение.

Но эта уступка была одинаково выгодна обеим сторонам, поэтому Чжао Гэннянь с готовностью её принял.

Он махнул рукой:

— Ваш третий сын дома наверняка уже извёлся от волнения. Возвращайтесь скорее.

Затем обернулся к собравшимся зевакам и прикрикнул:

— Что уставились? Расходитесь! Стоите тут, словно стадо болванов, никто даже не попытался остановить драку. С такими людьми деревенские нравы рано или поздно совсем испортятся!

Толпа недовольно загудела.

«Если уж кто и портит нравы, так это семья Чжао. При чём тут мы, честные люди?»

Когда стало ясно, что семья Янь действительно собирается унести обеих кур, Лю Цзиньхуа вновь хотела поднять крик.

Но Чжао Гэннянь холодно посмотрел на неё.

— Не хотите отдавать кур — тогда платите серебром. Выбирайте сами.

Лю Цзиньхуа принялась валяться по земле и закатывать истерику — никакой компенсации она давать не собиралась.

Семью Янь это нисколько не волновало.

Они уже собрались уходить с курами на руках, как вдруг Течжу поспешно дёрнул Янь Ванчуня за рукав.

— Отец! А мой кролик? Нужно ведь и кролика забрать!

Это был первый кролик, которого он когда-либо поймал. Разве можно было так просто его отдать?

Янь Ванчунь тут же хлопнул себя по лбу.

— Точно! Ещё и кролик!

Прятавшийся в доме Чжао Цзиньбао после недавней драки был так перепуган, что едва не наложил в штаны.

Услышав про кролика, он тут же выбросил из дома уже окончательно мёртвую тушку и, заливаясь слезами, закричал:

— Папа! Мама! Мне страшно! Пусть они скорее уйдут!

Какой ребёнок не испугается, увидев такое?

Линь Сюэмэй, вытирая слёзы, поспешила в дом успокаивать сына. Лишь после того как семья Янь ушла, она разразилась громкой бранью:

— Видно, восемь жизней подряд я грешила, раз вышла замуж в вашу семью Чжао! Все мужчины в этом доме — один другого никчёмнее! Ладно бы просто бездельничали, так ещё и беды домой без конца тащат. Чтоб вас всех наказала судьба! За что мне досталась такая семейка?!

Чжао Чаншунь для вида прикрикнул в сторону комнаты:

— Что ты там несёшь?

Потом взглянул на Чжао Шоутяня и повысил голос:

— И ты хорош! Ладно бы только чужих детей задирали, так теперь ещё и собственного племянника в это втянул!

Чжао Шоутянь, придерживая распухшую щёку, даже не подумал проявить уважение к старшему брату.

— Если бы ваш Цзиньбао не вздумал отнимать у него кролика, я бы с ними драться стал? Сейчас передо мной из себя главного строишь, а где же была вся твоя смелость, когда драка началась?

Чжао Чаншунь злобно посмотрел на брата, но промолчал.

В конце концов всё дошло до того, что два брата сами принялись ругаться между собой. Лю Цзиньхуа рыдала, причитая, что сама накликала на себя беду, и продолжала поносить семью Янь, обвиняя их в жестокости и бессердечии.

А Чжао Дахэ и вовсе потерял всякий стыд. Он всё винил своего родственника, старосту Чжао Гэнняня, за то, что тот не встал на их сторону.

Этот семейный спектакль был словно представление в театре. Чжао Гэннянь едва не рассмеялся от злости.

По его мнению, люди семьи Янь избили их ещё недостаточно сильно. Раз у них хватает сил стоять здесь и вопить, жалуясь на судьбу, значит, досталось им слишком мало.

Янь Фэнъянь стал сюцаем всего в шестнадцать лет. Получить степень цзюйжэня для него — лишь вопрос времени.

Да и с семьёй Чжао Гэннянь был вовсе не настолько близок, чтобы ради этой кучки недалёких людей наживать себе врагов в лице семьи Янь.

К вечеру багровое солнце медленно клонилось к закату. Над деревенскими домами один за другим поднимались тонкие струйки дыма от готовящегося ужина, а вместе с прохладным вечерним ветром к воротам дома семьи Янь донёлся оживлённый гомон.

— Теперь посмотрим, кто ещё осмелится искать неприятностей на нашу голову!

Пока вокруг было полно людей, Чэнь Ланьфан не позволяла себе слишком радоваться. Лишь переступив порог собственного дома, она наконец перестала скрывать удовлетворение.

Ради будущего Янь Фэнъяня, они с Янь Шичаном всегда старались жить в деревне тихо и ни с кем не конфликтовать, если только их не вынуждали обстоятельства.

Но в последнее время на их семью одно за другим обрушивались несчастья, а жители деревни только и ждали случая посмеяться над ними. Все Яни давно копили в себе злость, не находя выхода.

И тут кто-то сам полез под горячую руку.

Да кто такие эти Чжао? Лицемерные подхалимы! Неужели они всерьёз решили, что могут безнаказанно сесть на шею? Неужели они приняли семью Янь за мягкую хурму, которую можно мять как вздумается?

Стоило Чэнь Ланьфан вспомнить, как люди семьи Чжао валялись по земле после побоев, как на душе становилось необыкновенно легко.

Она окинула взглядом домашних, а затем остановилась на Вэнь Си и удовлетворённо кивнула.

— Сегодня все молодцы. Каждый постарался. Вечером я приготовлю вам что-нибудь вкусное.

Ли Вань с улыбкой подхватила:

— У мамы самые лучшие блюда в доме. Сегодня нас ждёт настоящий пир.

Хэ Цзинь, облизнув губы, обнял Чэнь Ланьфан за руку и, ласково прижимаясь к ней, сказал:

— Мама, хочу свежего тушёного кролика в горячем котелке.

— Хорошо, хорошо, будет тебе кролик. Только сначала надо спросить моего дорогого внука, ведь это он нашёл добычу.

Будь кролик жив, Течжу непременно стал бы заботиться о нём и никому не позволил бы причинить ему вред.

Но теперь зверёк был уже мёртв. Выбрасывать его было бы слишком жалко.

С сожалением Течжу протянул кролика бабушке.

— Бабушка, обязательно приготовь его очень вкусно.

Ли Вань легонько ткнула сына пальцем в лоб.

— Ах ты маленький обжора! Неужели не доверяешь бабушкиному мастерству? Вот увидишь,

сегодня наешься до отвала.

Слушая их разговор, даже Вэнь Си невольно начал с нетерпением ждать сегодняшнего ужина.

<http://bllate.org/book/18440/1825670>